

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 6 (306). 10 февраля 1929 г.

АВТОР ЕЩЕ ЖИВЫХ ГЕРОЕВ

Очерк А. Луначарского

А. С. Грибоедов представляет собою явление исключительное не только в нашей литературе, но и в литературе мировой.

Говоря так, я имею в виду не его замечательный литературный талант, не достигнутый им вековой успех, потому что таких фактов в истории литературы отнюдь не мало; я имею в виду то обстоятельство, что Грибоедов, в сущности, написал только одно произведение. Все, что вышло из-под его пера, кроме „Горе от ума“, является до такой степени второстепенным, что не заслуживает даже упоминания. Мы знаем, правда, о довольно широких и чрезвычайно интересных планах Грибоедова (например, относительно драмы „Двенадцатый год“), но планы эти остались незаконченными.

Грибоедов жил в ту эпоху, когда литературой занимались вполне обеспеченные другими источниками дохода дворяне, гордившиеся тем, что в литературе видят лишь отдохновение, в своих произведениях — лишь плоды весьма благородного и возвышенного дилетантизма. Пушкин гордился своим дворянством и презрительно относился к только что начавшемуся проявляться типу писателей и журналистов из разночинцев, откровенно живущему своим пером. Между тем, Пушкин был уже переходным типом, он в значительной мере и сам жил литературным заработком, и отношение его к собственному положению было двойственным и ироническим. Гордясь своей принадлежностью к дворянству, Пушкин в то же время любил подчеркивать и свое „мещанство“, чувствуя, что по социальному своему положению он скорее деклассированный отпрыск „великого сословия“ и что свою огромную славу он приобрел совершенно независимо от своего барства.

Грибоедов был в гораздо меньшей степени профессионалом, по преимуществу барин и большим чиновником; даже, пожалуй, сановником Грибоедов остался до конца своей жизни. Однако ни в каком случае не относился Грибоедов к своей литературной деятельности, как к дилетантизму в том смысле, что занятие это практиковалось им между прочим и поверхностно. Наоборот, Грибоедов чувствовал, что литературной своей работой он выполняет какую-то большую историческую миссию. Он вносил в это дело не только исключительную любовь художника, много старания, страсти и страдания, но и какой-то особый пафос, вытекавший из сознания выполняемого общественного долга.

Само собою разумеется, что Грибоедов, как и вся блестящая плеяда дворянских писателей, ковеннее, чем Пушкин, по все же определялся именно деклассированным дворянством. Начался уже тот гигантский процесс, которого колоссальным и последним представителем окажется Толстой. Не даром Ленин, определяя корни художественного гения Толстого и всего его учения, указывает на то, что величие Толстого определяется огромной значительностью процесса, отразившегося в его творчестве, процесса „линия“ России, перерождения ее под давлением капитализма. Но уже во времена Александра I и Николая I процесс этот начался.

Если часть дворянства становилась определено на западнические позиции и занимала всевозможные посты от умеренного западничества, желания немного европеизировать свою родину, до чаадаевского отчаянного пессимизма перед Россией, по-

будившего правительство объявить его сумасшедшим, и, наконец, до приведения республиканских выводов крайнего левого фланга декабристов, то все это совершилось именно вследствие процесса, глубоко втянувшего дворянство в заботы об улучшении своего хозяйства с точки зрения товарного хлеба, с точки зрения экспорта. Дальнейшее пребывание в состоянии азиатской бесформенности становилось с точки зрения самого правящего класса нестерпимым после наполеоновских войн. Отсюда либеральные и даже радикальные устремления дворянства. Но новые условия, новая форма организационной работы не легко давались чванному и напыщенному дворянству. Многие откровенно и цепко держались за азиатчину, и в том числе за крепостное право, чувствуя, что к новым формам жизни им не приспособиться. Дру-

традий,— словом, вся тьма, вся дичь николаевской России.

В письмах Грибоедова имеются подчас почти отчаянные ноты. Куда бы он ни поехал, в Петербург ли, в Москву ли, в Киев ли,— всюду одинаково скучно, всюду люди одинаково ничтожны, и Грибоедов подчас довольно интенсивно помышляет о самоубийстве. Правда, ему были присущи некоторые зачатки народничества, он как будто любил „умный, добрый наш народ“. В плане своей пьесы „Двенадцатый год“ он даже противопоставляет благородного героя из крестьян дворянству, которое он хотел высмеять и оплевать в этом произведении, разоблачая дворянский псевдопатриотизм 12-го года. Однако и в этом произведении дело кончается тем, что исключительный выходец из народа сламывается торжествующей тупостью звериноподобного дворянства.

На какое-либо революционное движение Грибоедов не рассчитывал. Устой быта Грибоедова, его общественное положение были теснейшим образом связаны с крепостным правом. Он старался как будто проходить мимо этого явления, как будто пытался не замечать его. Отношение к декабристам у него было, несомненно, ироническое. Если он и не считает их всех Репетиловыми, если не целиком по всем декабристам бьет его желчные замечания в „Горе от ума“, направленные против репетиловской компании, то все же эти стрелы посылались в сторону декабристов, и вполне сознательно. Правда, образованный, умный, благородный Грибоедов не мог пройти совсем незатронутым мимо такого большого общественно-политического движения и, как известно, был арестован в связи с делом декабристов, вел свою самозащиту необыкновенно ловко и хитро, сумел поставить себя с большим достоинством и выйти сухим из воды. Рядом с хитростью, однако, помогло Грибоедову и то обстоятельство, что, повидимому, организационных связей с декабристами он не имел, что объясняется, конечно, а, очевидно, неверием в движение. Это неверие еще сгущало тени вокруг Грибоедова и делало положение в известной степени отчаянным. Выходом из этого тупика и явилась литературная деятельность. „Горе от ума“ писалось без большой надежды на быстрое опубликование или появление у света рампы. Правда, Грибоедов сам писал, что он многое изменил и, как ему казалось, изменил к худшему в своей пьесе, поскольку отошел от первоначального намерения писать ее для себя, для своих друзей, как интимное произведение,— можно сказать, как произведение почти нелегальное. Но даже в том виде, в котором Грибоедов подготовил свою пьесу для широкой публики, она долгое время шла только в многочисленных рукописях, и даже чтение ее считалось небезопасным. Грибоедов открывал для себя и для лиц себе подобных, или для лиц, у которых была хоть одна струна, подобная строю его сознания,— отдушину. Клейма фамусовщину, скалозубовщину, молчалиовщину, с горестным смехом отмахиваясь от репетиловщины, Грибоедов художественно становился над своей действительностью, перекликался со своими читателями и с лучшим, что было в его читателях, на почве высокой иронии, на почве сознания

Копия записей „бракосочетания“ А. С. Грибоедова. Книга записей обнаружена в Спском тифлисском соборе. В графе поручителей записан Мальцов, единственно уцелевший во время разгрома русского посольства в Тегеране

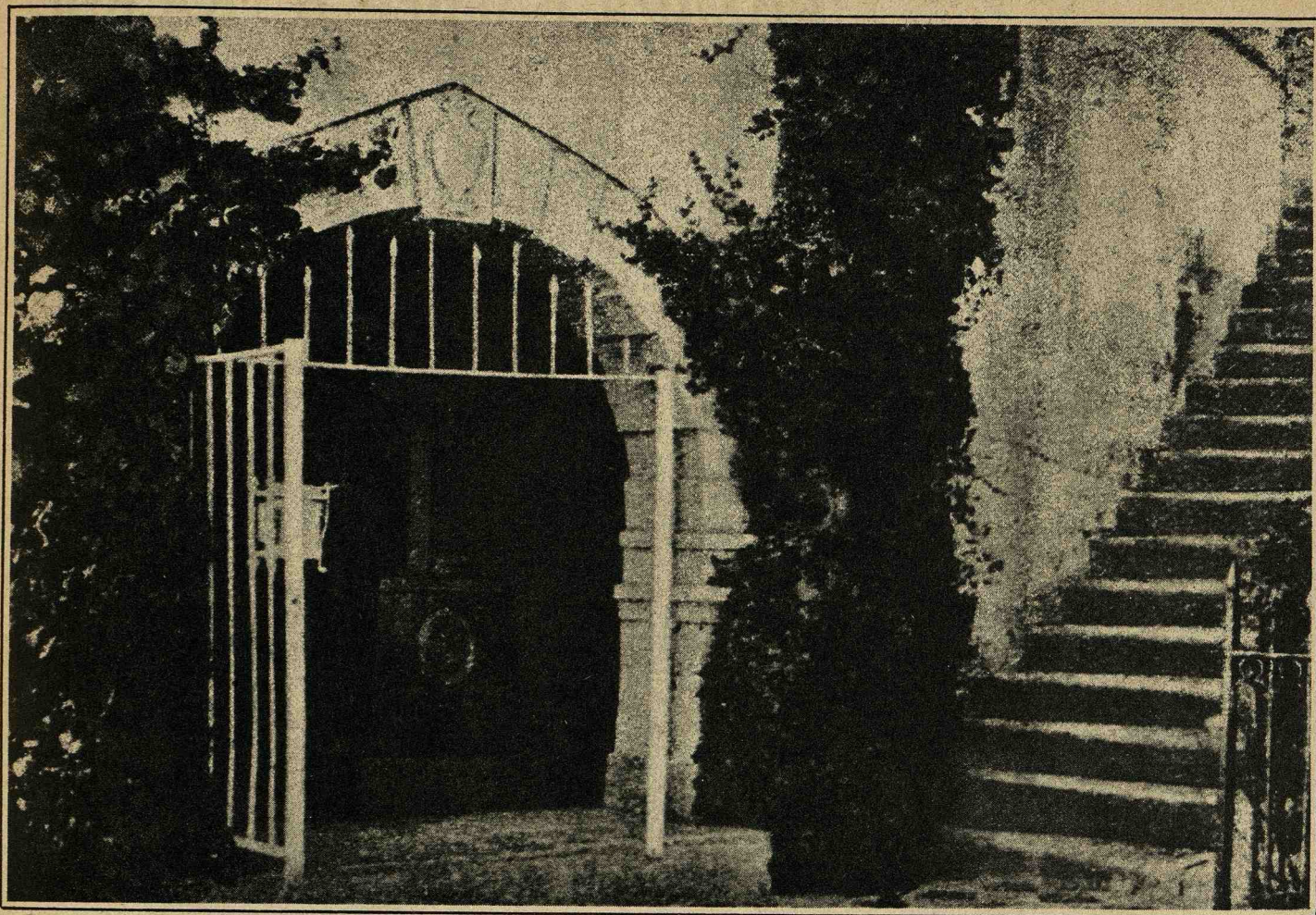
Копия записей „бракосочетания“ А. С. Грибоедова		
№	Имя	Полное имя поручителя
3	Августа	Полномочный министр в Париже Императорского величества Станислав Свентомирский и Ковальский Александр Александрович Губаевский Витусовский законный братъ его графа Николая Давыдова Самойловича графа Александра Ивановича Тавриавабавова оба поручителя графа Григория Ивановича Голенищевы

Копия записей „бракосочетания“ А. С. Грибоедова. Книга записей обнаружена в Спском тифлисском соборе. В графе поручителей записан Мальцов, единственно уцелевший во время разгрома русского посольства в Тегеране

ние, смягчая лицо старой России, в которой так привольно жило магнатам и средним помещикам,— идеализировали ее и ожесточенно выступали против Запада, подчас довольно метко показывая за „светлым ликом“ Европы рожу наступающего капитала. На этой почве развивались всякие виды славянофильства, одним концом своим упиравшиеся в самые черносотенные формы, а другим готовившие породить народничество и бакунизм.

Грибоедов, гениальный по своим дарованиям, стоял на интересном рубеже этих дворянских делений.

Чуткие и занятые необыкновенно блестящим развитием детство и отрочество поэта сменились, как и у Толстого, разгульной военной юностью, а когда хмель прошел, Грибоедов так же, как и позднее Толстой, не мог не заметить ужаса окружающего. Все ярче и ярче рисовалась перед Грибоедовым отвратительная тьма все задавившего самодержавия, пустота, праздность и выхолащивающая большая света, лакейство по отношению к высшим, связанное с чванством по отношению к низшим, всего, что стояло более или менее посередине, поверхность, пустозвонность внешнего модного западничества, оскорбительная тупость и низость так называемых устоев и

Могила Грибоедова в Тифлисе, в монастыре Мтацнада

известного пафоса расстояния между интеллигентнейшей и самой передовой частью просвещенной тогдашней публики и „чернью“, разумея под нею, как разумел и Пушкин, в особенности „позолоченную“ чернь гостинных и „чернильную“ чернь канцелярий.

Пушкин признал блестящие достоинства грибоедовского произведения, но характерным образом отнесся с антипатией к Чацкому, как к человеку, который зря выбалтывает серьезные вещи, не умеет себя держать в обществе. Бедный гениальный поэт был уже к тому времени „сивкой, которого уходили кругые горки“. Правда, художественной силы был в нем еще непочатый край, но он сам старался выбирать темы и отражать чувства, которые не затрагивали бы господствующих. С этой точки зрения, и стихия Грибоедова казалась Пушкину слишком левой.

Хотя „Горе от ума“ ни в коем случае нельзя назвать пьесой революционной, хотя это, конечно, только гуманитарная и либеральная пьеса, да еще с примесью ранних славянофильских оттенков, но все же, в дальнейшем формировании русского общественного сознания роль гениальной комедии Грибоедова была огромна. Грибоедов так метко и так обще создал всю кунсткамеру своих фигур, подошел к ним с юмором, столь художественно мягким внешне и беспощадно озлобленным внутренне, что маски, им созданные, пережили в качестве определяющих типов целое столетие и дошли до наших времен, мало что потеряв в своей ценности. Странно подумать, что даже революция такой колоссальности, такой интенсивности, как Октябрьская, не убила окончательно ни Фамусовых, ни Молчалиных, ни Скалозубов, и что еще курьезнее, так это то, что Фамусовы, Молчалины, Скалозубы и все прочие начисто не убиты революцией не только в том смысле, что они могли скрыться в эмиграцию или запрятаться в щель внутренней эмиграции,—нет, они в известной степени возрождаются на самой почве

советской власти. Конечно, иначе и не может быть. Конечно, частная собственность еще существует. Дух мещанства, по свидетельству Ленина, еще в высшей степени живуч. Все грязные пороки индивидуализма не изжиты. Ленин призывал к изжитию их и надеялся только на то, что процесс начался теперь с большей устремленностью и что всем этим чудовищам действительно не удастся устоять перед

Памятник А. С. Грибоедову в Тегеране

горичим и чистым дыханием революции; но он знал, что некоторое время роль играть они еще будут. Грибоедов был в особенности в сторону разных видов бюрократизма, а бюрократизм-то и есть одно из наиболее бросающихся в глаза

зол нашего времени. Бюрократическое чванство и сановничание, конечно, не по-прежнему как правило, а как безобразное исключение возможно и сейчас в нашей среде, возможна и скалозубовская узость суждений, культурная тупость, опирающаяся на два—три уставных фельдфебельских положения. Реакция не только субъективно считала Скалозубов своими подходящими слугами, они и объективно были достаточно серьезной ее опорой. Они были частью того всероссийского фельдфебеля, который хвастал о себе:

Я в две шеренги вы построю,
А пикнете, так мигом успокою.

Революция же и объективно, и субъективно отрицает скалозубовщину, тяготея к наличию таких неприспособленных к ее широте и глубине исполнителей и объективно колоссально проигрывает от того в общем небольшого количества Скалозубов, которых все еще можно встретить, в особенности подалше от центра.

Молчалиновство, комподхализмство возможно и встречается даже среди партийных людей. Потому-то партия и должна предпринимать от времени до времени самочистку, чтобы внутри ее не процветали разными узорами всякая грибоедовщина и гоголевщина, и потому что обывательщина заносится в партию и загрязняет ее. Таким образом, даже в самом чистом, в самом революционном, что создалось на почве разрушения старой России, еще проглядывают черты отвратительного прошлого. Что же говорить о всем море бюрократизма и обывательщины, которая воплущается необозримым простором вокруг творческих классов нашей страны. Вот почему на огромное расстояние, которое отделяет нас от Грибоедова, и в классовом отношении, и в смысле времени,—он не устарел не только по блеску своего языка, но меткости отдельных выражений, которые и после революции не потеряли свою силу своего рода пословиц и поговорок, но и по основным фигурам своего шедевра.

А. Луначарский